

В. А. Бурнаков^{1,2}, А. А. Бурнаков³, К. М. Торбостаев³, Д. Ц. Цыденова²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

³ *Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
пр. Ленина, 90, Абакан, 655017, Россия*

artas_burnakov@mail.ru

ТИГІР ТАЙЫҒ – ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ НЕБУ В КУЛЬТУРЕ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI ВЕКА) *

На основе архивных, полевых и литературных сведений рассматривается комплекс традиционных мифологических воззрений хакасов о Небе. С ним ассоциировалась идея верха, света, плодородия и добра. Присущие ему свойства – отдаленность, недостижимость, необъятность и постоянство в традиционном сознании способствовали его абсолютной сакрализации. Небо, будучи важнейшей частью космоса, одновременно выступает и в качестве верховного божества. По традиционным воззрениям, оно со всеми его светилами санкционирует жизнь всего, что есть на земле; также диктует естественный ход вещей на земле: течение времени, мерности пространства, направление развития общества и т. п. Небо выступало в качестве высшей судебной инстанции и карающей силы. Полагали, что Небеса неотделимы от самого бытия человека и сопутствуют человеку от рождения и до смерти и в итоге определяют его судьбу. Это способствовало развитию мысли о том – «что вверху, то и внизу». Свод неба выступал своего рода зеркалом: люди, глядя в него, узнавали отражения своих судеб и перспектив жизни. Верили, что поклонение Небу обеспечит плодородие, процветание и успех в жизнедеятельности людей, что и предопределило формирование ритуальной практики жертвоприношений Небу.

Ключевые слова: хакасы, традиция, верования, миф, обряд, небо.

Ядром культуры любого этноса, несомненно, выступает традиционное мировоззрение ее носителей. Оно адекватно реагирует на меняющиеся историко-культурные и социальные условия. Мировоззрение является своего рода отражением разнообразных общественных и духовных процессов. Посредством его анализа можно обнаружить сущностные, фундаментальные основания этнической культуры. Поэтому актуальность

предлагаемого исследования определяется тем фактом, что этническая культура как основа жизнедеятельности людей выступает фундаментальным основанием социальной действительности. Новизна работы определяется изучением обряда жертвоприношений Небу у этнических групп хакасов – кызыльцев и сагайцев, а также введением в научный оборот новых архивных и полевых материалов.

* Исследование проведено при поддержке РГНФ (проект № 12-01-00199а).

Целью работы является характеристика культовой практики хакасов по отношению к Небу. Исходя из этого были поставлены следующие задачи: определение его места и функций в духовной жизни; выявление механизмов трансформации культа Неба. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – начало XXI в. Выбор таких временных границ вызван состоянием источниковой базы по теме исследования. Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика основана на синтезе историко-этнографических методов – научного описания, конкретно-исторического и структурно-семантического анализа.

В мифологическом сознании Небо всегда воспринималось в качестве наивысшего священного пространства, как модель идеального недостижимого мира, который открыт лишь избранным. Будучи полной противоположностью преходящей земной жизни, оно выступает зримым символом вечности и всегда ассоциативно связывается с идеей свободы и истины. В архаическом мировоззрении хакасов образ Небес гармонично сочетает в себе черты безграничного космического пространства и некой реальной всемогущественной и всеобъемлющей сакральной силы. Небо как зримое воплощение идеи трансцендентальности становится неизменным атрибутом высшего божества. И поэтому можно полностью согласиться с мыслью М. Элиаде о том, что «пределы вне досягаемости человека, звездные пространства становятся местом обитания божественного правителя, трансцендентного начала, абсолютной реальности и вечности» [1999. С. 36]. В этой связи Л. П. Потапов, анализируя традиционное мировоззрение народов Саяно-Алтая и хакасов в их числе, заметил, что в нем большое внимание уделяется представлениям о *Täng-ri* / *Tängä-ri* (хак. Тигір), выступающем «в значении и высшего божества, и атмосферного неба» [1991. С. 246].

Начиная с последнего десятилетия XX в. в исторической науке наметилась тенденция обозначать религиозно-мифологическую систему древних тюрков и монголов термином «тенгрианство / тенгризм». Культ Тенгри как государственная религиозная идеология историческими корнями уходит в гуннский период (III в. до н. э. – I в. н. э.) [Бичурин, 1950. С. 214–215]. Пика своего

развития он достиг в древнетюркскую эпоху (VI–X вв. н. э.) и сохранил высокую значимость и в последующее время (XII–XIV вв.). Одним из первых ученых, кто представил систематизированные сведения о Тенгри, был С. В. Малов [1951; 1952; 1959]. Одновременно с этим французский историк Ж.-П. Ру, характеризуя религиозные воззрения центральноазиатских кочевников Средневековья, ввел в научный оборот термин «тенгризм»: изучение культа Неба у тюркских и монгольских народов получило дальнейшее развитие в работах Л. П. Потапова [1978а; 1978б; 1991], С. Г. Кляшторного, Д. С. Савинова, Т. И. Султанова [Кляшторный, 1988; 2003; Кляшторный, Савинов, 1994; 2009; Кляшторный, Султанов, 2005], Г. Р. Галдановой [1992], Т. Д. Скрынниковой [1997], Е. И. Кычанова [1997], И. Л. Кызласова [1998], А. А. Советколы [1998], И. С. Урбанасовой [2000а; 2000б], П. Б. Коновалова [2003], Т. М. Мармонтовой [2005], Б. А. Бичеева [2005; 2008], Т. С. Жумаганбетова [2006а; 2006б], Ю. И. Дробышева [2006; 2008], М. В. Тендряковой [2008], Н. Г. Аюпова [2012] и др. Среди многочисленных исследований в данной области следует отметить фундаментальный труд П. К. Дашковского «Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего Средневековья» [2011]. В нем впервые в отечественной науке был систематизирован и проанализирован весь комплекс исторических источников, в том числе и археологических материалов, касающихся мировоззрения кочевников Саяно-Алтая в обозначенный исторический период. Автор подвел итог проведенным историческим и религиоведческим исследованиям в этой области и поддержал вывод ряда ученых о целесообразности закрепления за религией древних тюрков термина «тенгризм (тенгрианство)» [Там же. С. 183–184].

По историческим сведениям, Тенгри почиталось как абстрактное, но при этом могучее космическое божество, распоряжающееся судьбами тюрков / монголов, их государств и правителей. Была распространена убежденность, что в его силах было возвысить отдельных каганов, даруя им победы, либо свергнуть их, карая поражениями от врагов. Самой власти каганов закономерно приписывалось небесное божественное происхождение, и эта идея настойчиво внедрялась в массы рядовых

кочевников [Кляшторный, 1988. С. 537; Потапов, 1991. С. 262]. Мифоритуальный комплекс, связанный с Небом, хорошо сохранился в культуре народов Южной Сибири, имевших генетическую и культурную преемственность от древних тюрков [Потапов, 1969; 1978а; 1978б; 1991]. Между тем степень его сохранности и трансформации у современных народов Саяно-Алтая различна. Так, Л. П. Потапов констатировал, что «в наиболее чистом виде культ Неба сохранился у качинцев, бельтиров и некоторых других этнических групп, именуемых ныне обобщенно хакасами <...> Небо у качинцев и бельтиров выступало еще аморфным, космическим божеством, слитым с видимым небом» [1978б. С. 53, 64].

Култ Неба у хакасов всегда вызывал большой научный интерес. Среди исследователей, занимавшихся изучением данной темы в дореволюционное и более позднее время, следует особо выделить Н. Ф. Катанова [1897; 1907], Е. К. Яковлева [1900], С. Д. Майнагашева [1916], Д. Е. Лаппо [1905], А. В. Адрианова [1909], Л. П. Потапова [1978а; 1978б; 1991], В. Я. Бутанаева [2003] и др. Они собрали и ввели в научный оборот огромный корпус уникальных полевых материалов. В них представлено описание: времени, места, мотивации, структуры и последовательности исполнения обряда жертвоприношения Небу – *Тигір тайыг*. Отмечен круг участников. Кроме того, проанализированы сопутствующие этому религиозному культу элементы соционормативной культуры, в том числе правила поведения и обусловленная ими система табу. Следует обратить внимание на то, что Н. Ф. Катанову, С. Д. Майнагашеву и В. Я. Бутанаеву, кроме того, в своих материалах удалось записать на хакасском языке оригинальные полнотекстовые молитвы-обращения – *алгыс*, произносимые в процессе этого священнодействия. Данное обстоятельство, несомненно, придает большую информационную и научную ценность трудам этих исследователей. Вместе с тем необходимо констатировать, что ученые записали бытование данной обрядности в основном лишь у двух этнических групп хакасов – качинцев (хаас) и бельтиров (пилтір). Однако, как свидетельствует топонимия Хакасии, жертвоприношения Небу совершались также сагайцами (сагай) и кызыльцами (хызыл). Например, оронимы *Тигір тайаан таг / Тигір*

тайии / Тигір тайыјаң таг / Тегір таижаң таг / Тигір тас [Бутанаев, 1995. С. 127–128; Сунчугашев, 2009. С. 90, 165–166] указывают на то, что в прошлом на обозначенных сакральных горах проводились соответствующие небесные моления и ритуалы. Они распространены почти по всей территории современной Хакасии и некоторых прилегающих областях, в том числе и подтаежных, где исконно проживали сагайцы и кызыльцы.

Факт широкой распространенности этого обряда среди всех этнических групп хакасов подтверждается и материалами наших полевых исследований, и этнографическими сведениями, полученными томскими учеными Э. Л. Львовой, М. С. Усмановой и др.¹ В 1970-е гг. ими были совершены многократные экспедиционные поездки по Хакасии и югу Красноярского края. Цель работы состояла в изучении традиционной культуры хакасов. В ходе этих экспедиций ее участниками был собран массив оригинального полевого и архивного этнографического материала. Его бесспорная познавательная значимость, как, впрочем, и результатов научных изысканий предшественников, определяется еще и тем, что для современного исследователя-этнографа собрать подобный материал не всегда представляется возможным ввиду происходящих глобальных процессов унификации этнических культур и стремительного сокращения числа информаторов. Дневники и полевые отчеты этих исследователей в настоящее время хранятся в архиве Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета². В этих документах встречается немало ценных сведений и о культе Неба у основных этнических групп хакасов.

В мироощущении хакасов Небо и до настоящего времени остается высочайшим (в прямом и переносном значении) божеством – *Хан Тигір*. В традиционном религиозно-мифологическом мышлении народа оно по своей форме абстрактно, не имеет антро-

¹ АМАЭС ТГУ. № 678-1, 681-5.

² Выражаем искреннюю признательность и благодарность ведущему преподавателю этнологии, доценту кафедры отечественной истории ТГУ канд. ист. наук Э. Л. Львовой и заведующему музеем канд. ист. наук Ю. И. Ожередову за возможность ознакомления и работы с архивным материалом.

поморфных признаков и черт, что на протяжении двух столетий отмечалось многими исследователями (см.: [Катанов, 1897; 1907; Яковлев, 1900; Адрианов, 1909; Майнагашев, 1916; Потапов, 1978б; 1991] и др.). Несмотря на это, в сознании верующих оно наделяется способностью воспринимать и направлять в необходимое русло мысль и поступки человека, поддерживать и вдохновлять его в трудный период жизни. Хакасы, как и древние тюрки, убеждены в том, что от его абсолютной воли полностью зависит жизнь и судьба не только отдельного человека, его семьи, но и всего народа. Полагали, что оно определяет каждому живому существу его место в природе, а человеку еще и в обществе. Считалось, что это высшее божество управляет всеми социальными и природными явлениями на Земле. Небо с его светилами почиталось как высшая законодательная и судебная инстанция [Щукин, 1846. С. 43; Костров, 1852. С. 57; Катанов, 1907. С. 330; Степанов, 1835] и беспощадная карающая сила, манифестацией которой являлись гром и молния. Полагали, что небесная кара могла падать на людей в виде крайне неблагоприятных погодных условий, сопровождаемых природными катаклизмами, а также всевозможными несчастьями и неудачами в делах. Следствием этого, как верили, были различные болезни, голод и смерть.

В отношении Неба как вселенского божества распространялось правило «не произносить его имя всуе». Более того, в хакасской традиции имел место обычай табуизации его сакрального имени подобно тому, как женщинам запрещалось называть подлинным наименованием священные горы и старших родственников супруга. В связи с этим среди хакасов в прошлом имел широкое распространение нравоучительный рассказ-быличка. Согласно повествованию, в первые дни совместной жизни свекровь провела со своей молодой невесткой просветительно-воспитательную беседу. Разъяснила ей традиционные социальные и религиозные нормы. При этом пожилая женщина акцентировала внимание на обычаях табуизации подлинного имени отдельных родственников и прямого наименования определенных животных, а также некоторых природных объектов, в том числе и Неба: «Не называй по имени этого неба! Земли этой не называй, потому что небо

и земля – твои свекры!» [Катанов, 1907. С. 303]. Очевидно, что соответствующая ментальная и поведенческая установка в отношении сакрального имени небесного божества и обусловила то, что в молитвенных обращениях к нему и особенно в ритуальных возгласах, имеющих магическое значение, чаще озвучивалось не прямое его хакасское наименование – *Хан Тигир*, а общетюркский эквивалент, выступающий своего рода эвфемизмом – *Тээр / Теер / Töör*. Н. Ф. Катанов, лично присутствовавший на этом обряде, сообщал: «Когда бросают (божеству Неба. – *В. Б. и др.*) пызылак (творог. – *В. Б. и др.*) и хлещут молоко, то говорят все “тэр” (небо)» [1907. С. 384]. Необходимо добавить, что, как правило, во время небесных жертвоприношений его участники периодически, воздев обе руки вверх, восклицали: «Тээр, тээр!» [Потапов, 1978б. С. 57; Хакасско-русский словарь, 2006. С. 607].

По традиционным хакасским представлениям, Небо наделяло всех живых существ плодородием и оберегало их жизнь. Верующие, как правило, обращались к нему с молитвенными просьбами о ниспослании благополучия и стабильности в жизни, о рождении детей, об обилии домашнего скота и таежных зверей, о хорошем урожае, об удаче в промысловой деятельности, о здоровье и пр. В этой связи хакасы говорили: «На тайге просят благополучия для деревни <...> чтобы болезнь не наступала, скандалов не было»³; «Обращались во все стороны, чтобы люди не болели, чтобы скот не болел»⁴; «Для тегир (неба) тайг делали, поэтому хакасы много скота держали, богато жили»⁵; «Для чего делали тайг, наверное, для (благополучия и умножения. – *В. Б. и др.*) скота»⁶; «Тегир тайжан делали, когда дождя долго не было, участвовали в нем только мужчины»⁷. «Обычно просят дождя, чтобы жизнь лучше была, чтобы скота больше было»⁸.

Периодичность проведения общественного обряда *тигир тайыг* – жертвоприношения Небу, зависела от устоявшейся тради-

³ АМАЭС ТГУ. № 678-1. Тетрадь № 1. Л. 38.

⁴ Там же. № 677-9. Тетрадь № 9. Л. 1.

⁵ Там же. № 678-3. Тетрадь № 3. Л. 38.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ Там же. № 681-5. Л. 13.

⁸ Там же. № 680-4. Л. 40.

ции, а также от сложившейся у той или иной этнолокальной группы хакасов жизненной и хозяйственной ситуации⁹. В связи с этим дореволюционные исследователи писали: «Жертвы духу неба (не Кудаю), который равносителен духу огня, приносятся в самых редких случаях (напр., во время засухи, эпизоотии, голода) на самой высокой горе <...> в жертвоприношениях духу неба участвует целый народ (человек до 500–1000)» [Катанов, 1897. С. 31]; «Почти каждый год, весной или летом, на ближайшей к улусу горе, на высшей ее точке устраивается общественное моление – таиг, в честь неба, сопровождающееся всенародной молитвой о ниспослании благополучия на стада и табуны, о благополучной жизни и счастии всего народа» [Андрианов, 1909. С. 512–513].

Жертвоприношение Небу у всех этнических групп хакасов имело определенное сходство по своему обрядовому сценарию и главной цели. Так, типичным было проведение ритуала на специально отведенных для этого горах, маркированных соответствующим наименованием – *Тигір тайыҗаҗ таг*, а также в установленный период – в начале лета (июнь). Обряд проводил не шаман, а *алгысчыл* – уважаемый в народе мужчина (обычно старик), хорошо эрудированный в вопросах традиционной духовной культуры и, в частности, ритуальной практики. Священнодействие обычно совершалось у священной березы – *пай хазын*, посредством троекратного обхода по солнцу и произнесения молитв и обращений (*алгыс*). Обязательным было подвязывание на сакральные объекты с благопожеланиями разноцветных сакрализованных лент – *чалама*. Жертвенными животными выступали молодые бараны, как правило, белой масти, иногда же их заменяли белыми козлятами (*бельтыры*). Заклание происходило специ-

альным способом – *өзеп*, когда уложенному на спину животному прорезали шкуру у грудной кости, просовывали внутрь руку и обрывали аорту. В процессе разделывания туши запрещалось пролитие крови на землю. Жертвенное мясо помещалось в отдельные котлы. Приготовление мяса производилось без использования соли. Важнейшим элементом обрядности было посвящение Небу коня – *ызых ат*, также проходившее у священного древа. Церемонии заканчивались гаданием (*төрпик*) и всеобщим пиршеством (*той*).

Вместе с тем, как подметил Л. П. Потапов, обряд *тигир тайыг* у различных этнических групп хакасов все же имел свою специфику [1978б. С. 55–60]. Следует добавить, что порой и внутри этих общностей имели место свои локальные особенности в отправлении ритуала¹⁰.

М. С. Усмановой в 1970-х гг. в ходе экспедиционной работы в Ширинском и Орджоникидзевском районах Хакасии, а также в Ужурском и Шарыповском районах Красноярского края удалось зафиксировать у кызыльцев сведения о небесных жертвоприношениях. Ее основные информаторы – А. И. Янгулов (1909 г. р.), Ф. Е. Куртиякова (1905 г. р.), А. М. Алыгбаева (1909 г. р.), М. Г. Маеркова (1916 г. р.), В. Г. Сулекова (1914 г. р.) и др., будучи очевидцами, а некоторые и непосредственными участниками, поведали ей о традициях кызыльцев, связанных с ритуальной практикой по отношению к Небу. Так, например, пожилые хакасы сообщали следующее: «Когда некрещенные были, молиться не знали, тогда “Тегир таили”, жертву небу приносили. Делали так же, как и для земли и для воды» (информатор П. Ф. Итеменова, д. Секта)¹¹; «Отдельно у нас делали тегир-таи. Тегир таижанда кололи белого барана некастрированного. Ниже Явал Узенья было три листовенницы, там и делали. На этих листовенницах – *тегир таижан*. Как его делали, я уже не видела, его делали тоже весной» (информатор Ф. Е. Куртиякова (Саламачева), 1905 г. р., д. Костино)¹²; «Тегир таижан делали на горе» (информатор А. П. Янгулов, 1909 г. р., д. Устинкино)¹³. Особенности проведения

⁹ Исследователи сообщали о встречающихся вариациях периодичности отправления этого обряда у различных групп хакасов. Один раз в год – три года [Адрианов, 1904. С. 37]. Так, по сведениям С. Д. Майнагашева, этот ритуал проводился бельтырами долины р. Тея один раз в три года [1916. С. 94]. Однако Л. П. Потапов, проводивший в 1946 г. в Хакасии этнографические исследования, сообщил об иной периодичности – один раз в год [1978]. По полевым материалам М. С. Усмановой, отдельные этнолокальные группы кызыльцев проводили данный обряд один раз в три года, в то время как качинцы – ежегодно (см.: АМАЭС ТГУ. № 678-3. Тетрадь № 3. Л. 26; № 681-5. Л. 19).

¹⁰ АМАЭС ТГУ. № 681-5. Л. 20.

¹¹ Там же. № 678-3. Л. 30.

¹² Там же. Л. 23.

¹³ Там же. Л. 44.

обряд у кызыльцев состояли в том, что береза для ритуальных действий чаще не выкапывалась, а срубалась и устанавливалась на месте проведения обряда жертвоприношения Небу. Полевые материалы М. С. Усмановой дают противоречивые сведения об участии женщин в процессе *тигир тайыг*. По словам одних информаторов, они не имели права присутствовать на самом обрядовом действе. Согласно сообщению других, женщины все же допускались, запрет распространялся лишь на беременных и тех, у которых были регулы. «Молодые девки, парни, старухи, все поднимались на гору. А те женщины, которые были в положении, нельзя им было подниматься. Если женщина “моется” (менструация), то им тоже нельзя было подыматься»¹⁴. Вероятно, послабление, а порой и отступление от традиционных норм (табу на посещение этого обряда женщинами фертильного возраста) может указывать на постепенную его деградацию и определенную трансформацию религиозного сознания кызыльцев, происходившую при активном воздействии православного христианства, а позднее – атеизма.

Наряду с этим у них отмечались еще и локальные особенности в отправлении этой обрядности. Согласно архивным материалам, «таиг в Старой Думе на Белой скале делали на Троицу. Лазали туда. Ах хыиг – Белая скала, рядом Кек хыиг – Синяя скала, земля синяя, а еще подальше Хызыл хыиг – Красная скала. Участвовали из Старой Думы и из других деревень. Руководил старый и богатый. Таиг делали без шамана. Кто несет яйцо, кто вино, саламат, стряпню. Договораются, возьмут у кого-нибудь белого кастрированного барана. За это хозяину овцы платили. Около речки срубят березки, воткнут в землю на горе, потому что на горе не было берез. Овечку пешком приведут, к березке привяжут <...> Голову барана отрезали совсем. Шкуру снимали вместе с ногами и вешали на березу, под березу ставили голову. Шамана у нас не было, таиг был как праздник. Мясо и внутренности варили в большом шести ведерном котле. Кости у нас не рубили, резали по суставам. Кости собирали вместе и складывали к березке. Бересты настелют, мясо разложат – угощение»¹⁵.

Своя обрядовая специфика обнаруживается и в селении Ораки. Жертвоприношение осуществлялось на горе Ызых. Ритуал проводился девятью старцами и девятью старушками. Особенностью было и то, что в жертву Небу приносилась черная овечка. Разделав тушу, голову с ногами варили отдельно от остальных частей. Приготовленное мясо перекладывалось в девять *tuncsi* – выдолбленные из дерева небольшие корытца, которые передавались старушкам. При этом голова с ногами помещались отдельно в одну из девяти посудин. Затем девять стариков, держа в руках чаши с молочной водкой (*араг*), впереди, а пожилые женщины с жертвенным мясом (*tuncsi*) позади, совершали трехкратный обход вокруг березы и произносили молитвы-обращения к Небу. В ходе ритуала *арага* при помощи ложек с всевозможными благопожеланиями разбрызгивалась вверх. Мясо также поднималось ввысь. Его так держали, чтобы «пар шел к небу. Голову и ноги тоже держали к небу, пока пар не кончится». Обряд завершался всеобщей трапезой всех присутствовавших на нем. Шкура животного сжигалась¹⁶.

Своеобразие *тигир тайыг* у кызыльцев проявлялось и в том, что в жертву Небу приносились не только бараны и *арага*. С этой же целью в костре сжигался домашний хлеб округлой формы. Пожилая хакасса отмечала, что на «тегир таиг жгли круглый хлеб на Косоре – это жертва богу»¹⁷.

Культ Неба имел распространение и у сагайцев. В их фольклоре встречается предание о том, что в далекие времена в жертву Небу приносили девушек, которых брали ежегодно по очереди у старших в роде. Девушку, привязанную к плахе, закалывали ножом в сердце и во время моления Небу приподнимали на руках, а потом сжигали. Обычай прекратился якобы после того, как у одного сородича была взята для жертвы девятая дочь. К человеку, совершавшему ритуальное убийство, явился всадник и сказал: «Погоди, не трогай девку, вместо нее лучше режьте девять ягнят» [Потапов, 1978б. С. 61]. Вариант этого предания был обнаружен нами и в архивных материалах: «Таиг был, но сам на нем никогда не был никогда. В Иллиморове делали Тигер тайыг.

¹⁴ АМАЭС ТГУ. № 678-1. Л. 38.

¹⁵ Там же. Л. 38–39.

¹⁶ Там же. № 678-3. Л. 26.

¹⁷ Там же. Л. 30.

Говорят, будто очень давно девушек в жертву на тайиге приносили. Брала девушку, у которой отца не было, т. е. сироту. На тайиг собирались все роды. Делали тайиг Боргояковы и Ултургашевы, а остальные собирались посмотреть. Женщинам нельзя было приходить. Если придет, то вскоре умрет (так считалось). Приглашалось обычно два шамана, но командовали всем два хозяина-старика» (информатор С. Н. Кызласов, 1912 г. р., с. Усть-Чуль)¹⁸.

Л. П. Потапов не без оснований возводит данный апокрифический рассказ о жертвоприношении девушек Небу к хуннской древности и считает его реминисценцией предания, записанного в китайской исторической хронике Вей шу. В ней сообщается о происхождении предков гаогюйцев от внука (по дочери) одного из шаньюев из дома Хуннов. Этот шаньюй посвятил Небу двух своих красавиц-дочерей, изолировав их в специальном тереме. Но случилось так, что младшая сошлась с волком, поселившимся под теремом. Она приняла волка за посланца Неба и родила от него сына, ставшего потом одним из предков гаогюйцев [1978б. С. 61; Бичурин, 1950. С. 214–215]. Как известно, гаогюйский элемент вошел в этнический состав племен теле, сыгравших большую роль в этногенезе современных народов Саяно-Алтая [Потапов, 1969].

В ходе полевых сборов в Аскизском районе Республики Хакасия у сагайцев нам удалось получить новые материалы по традиции небесных жертвоприношений. К сожалению, эти сведения к настоящему времени дошли в неполной и отрывочной форме. Так, информаторы затруднились сказать, какие животные выступали объектом жертвоприношения, назвать последовательность и многие детали исполнения ритуала. Вместе с тем можно констатировать тот факт, что в памяти стариков все же устойчиво сохраняются воспоминания о проводимых в прошлом обрядах тигір тайыг на сакральных горах.

Одним из известных культовых мест у них была священная гора «Тигір тайыјаң таг» – ‘гора жертвоприношений Небу’, расположенная в Аскизском районе Республики Хакасия близ аала¹⁹ Онхаков на краю

лога Хам хазы (Шаманский берег). Согласно полевым исследованиям, на вершине этой горы представители сеока (рода) Хобый, а также жители окрестных селений традиционно проводили *тигір тайыг*.

Жертвоприношения Небу на горе *Тигір тайыјаң таг* у сагайцев осуществлялись вплоть до 1940-х гг. Обряд, как правило, проходил летом на Троицу (хак. Тросин). Со слов стариков, жертвоприношение проводилось «после того, как засеют пашни, после дня Св. Николая, иначе поля якобы могли подвергнуться нашествию насекомых» (ПМА: В. В. Иптышева (Топоева)). Местное население зачастую обращалось к Небу во время засухи для испрашивания долгожданного дождя. По воспоминаниям информаторов, обряд поклонения Небу у сагайцев на этом месте имел определенные отличия в способах его проведения до начала 1940-х гг.

До 1930-х гг. к обряду заранее готовились *араг* (молочная водка) и *абыртха* (напиток, похожий на квас). Причем *абыртха* заготавливалась в количестве двенадцати ведер. Первое ведро предназначалось для ритуального окропления, второе – для стариков, остальные – для всех присутствовавших на обряде. Как сообщили информаторы, однажды *тигір тайыг* был проведен с некоторыми нарушениями традиционных правил и норм. В результате чего, как полагали верующие, с Неба вместо дождя пошел крупный град. Люди спешно стали покидать священную гору. И в это время произошел трагический случай. В одной из телег ехала женщина с малолетним ребенком на руках. В момент, когда люди проезжали ручей Хам хазы, к этому времени из-за обилия осадков превратившийся в бушующий поток, по какой-то причине телега внезапно перевернулась, младенец, выскользнув из материнских рук, упал прямо в бурлящий поток и захлебнулся. После этого случая на общем сходе старики, истолковав происшествие, как наказание свыше за неточное отправления ритуала, решили на некоторое время приостановить моление Небу (ПМА: В. В. Иптышева (Топоева)).

Проведение *тигір тайыг* на одноименной горе возобновилось перед Великой Отечественной войной (1941–1945 гг.). Время проведения осталось прежним – в Троицу, но срок празднования увеличился до трех дней. В первый день непосредственно проводился обряд на вершине горы, по оконча-

¹⁸ АМАЭС ТГУ. № 680-4. Л. 40.

¹⁹ Аал – хакасское селение.

нии которого все расходились по домам, где продолжалось гулянье. На второй день варили праздничную сметанную кашу – *потхы*. Всю приготовленную пищу ведрами перекладывали в один большой котел. После этого на плотках и лодках переплавлялись через р. Абакан на близлежащий остров, где устраивали пир с играми и конкурсами. Третий день празднования отмечался в узком кругу родственников (ПМА: В. В. Иптышева (Топоева)).

В последний раз молебен в честь Неба на *Тигір тайыјаң таг* в сильно трансформированном виде был проведен в 1995–1996 гг. Тогда выдалось засушливое лето. Жители аала Онхаков в надежде на спасение урожая и травы решили прибегнуть к традиционному способу вызывания осадков. С этой целью группа пожилых мужчин и женщин общим числом около двенадцати человек на телегах отправилась на почитаемую гору. Прибыв на место, верующие приступили к обряду. Он заключался в чтении христианских молитв, окроплении спиртными напитками и обращении к высшим силам с просьбами. Со слов очевидцев, обряд возымел свое действие. Пошел долгожданный дождь. Между тем, по мнению верующих, была нарушена незыблемая традиция, запрещающая посещение женщинами гор жертвоприношений Небу²⁰. В результате, по мнению стариков, многие участники ритуала в дальнейшем скоропостижно умерли (ПМА: А. Ф. Топоева (Казыгашева)).

В целом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в мировоззрении хакасов одно из главных мест занимали представления о Небе, как высшем не персонифицированном божестве. Мифоритуальный комплекс, связанный с ним, встречается у всех этнических групп хакасов. Зародившись в глубокой древности, культ Неба в трансформированном виде сохранился до наших дней. На протяжении длительного времени, в течение которого происходило формирование хакасского этноса, в результате этнокультурных взаимодействий с другими этническими общностями представления об этом наивысшем сакральном объекте постоянно подверга-

лись воздействию различных мировоззренческих систем, в том числе и мировых религий. С присоединением Хакасии к России началась активная христианизация местного населения, в ходе которой мифоритуальный комплекс, связанный с Небом, испытал огромное влияние со стороны православия. Это способствовало синкретизму хакасской обрядности. Сроки проведения были привязаны к христианскому празднику – Троице. Стали использоваться христианские молитвы и ритуальные жесты крестного знамения. В духовной жизни культ Неба вытесняется представлениями о христианском Боге (*Худе*). Вместе с тем традиционные воззрения и обрядность, связанные с верховным божеством *Хан Тигір*, в реликтовой форме продолжают бытовать и поныне.

Список литературы

Адрианов А. В. Очерки Минусинского края. Отдельный оттиск из «Сибирского Торгово-Промышленного Календаря» на 1904 г. Томск: Паровая Типо-лит. П. И. Макушина, 1904. 62 с.

Адрианов А. В. Айран в жизни минусинского инородца // Записки ИРГО по отд. Этнография. 1909. Т. 34. С. 489–524.

Аюпов Н. Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение. Алматы: КИЕ, 2012. 264 с.

Бичеев Б. А. Дети Неба – Синие Волки. Мифолого-религиозные основы этнического сознания калмыков. Элиста, 2005. 200 с.

Бичеев Б. А. Тенгрианство как центральноазиатская религиозная система // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 269–273.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 381 с.

Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан, 1995. 288 с.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003. 260 с.

Галданова Г. Р. К вопросу о верованиях ранних монголов // VI Международный конгресс монголоведов. М., 1992. С. 24–33.

²⁰ Наличие такого запрета отмечалось некоторыми исследователями (см., например: [Катанов, 1907. С. 399; Майнагашев, 1916. С. 94–95]).

Дашковский П. К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. 244 с.

Дробышев Ю. И. Горизонты тенгрианства // Сибирь на перекрестье мировых религий. Новосибирск, 2006. С. 276–280.

Дробышев Ю. И. Буддизм и тенгрианство: конфронтация или сотрудничество? // Буддийская культура: источники, источниковедение, языкознание и искусство. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. С. 107–121.

Жумаганбетов Т. С. Культ Тенгри как основа государственной идеологии древнетюркского каганата // Восток. 2006а. № 2. С. 119–126.

Жумаганбетов Т. С. Генезис государственно-религиозной идеологии в древнетюркских каганатах // ЭО. 2006б. № 4. С. 154–162.

Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань: Типо-лит. Имп. Казанского ун-та, 1897. 104 с.

Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб.: [б. и.], 1907. Т. 9. 640 с.

Кляшторный С. Г. Тюркоязычных народов мифология // Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 536–537.

Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. 560 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 165 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Государства и народы евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 432 с.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.

Коновалов П. Б. Культ Мунхэ Тэнгри у средневековых монголов и его истоки // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Улан-Удэ, 2003. С. 423–433.

Костров Н. А. Качинские татары. Казань: [Тип. Губ. правл.], 1852. 66 с.

Кызласов И. Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // ЭО. 1998. № 4. С. 39–53.

Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997. 319 с.

Лаппо Д. Е. Троеверы: Из жизни минусинских инородцев // На сибирские темы. СПб.: Тип. Тов-ва «Общая польза», 1905. С. 9–52.

Майнагашиев С. Д. Жертвоприношение Небу у бельтиров // МАЭ. 1916. Т. 3. С. 93–102.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 114 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 108 с.

Мармонтова Т. В. Тенгрианство как традиционная система мировоззрения кочевников // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. СПб., 2005. С. 347–349.

Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969. 196 с.

Потапов Л. П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978а. С. 3–36.

Потапов Л. П. Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978б. С. 50–64.

Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.: Вост. лит., 1997. 216 с.

Советколы А. А. Тенгризм. Да благословит нас Тенгри // Культурные контакты Казахстана: история и современность. Алматы, 1998. С. 97–101.

Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб.: Тип. Конрада Вингебера, 1835. Ч. 1. 278 с.

Сунчугашев Р. Д. Топонимия Хакасии. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2009. 198 с.

Тендрякова М. В. От государственной религии к забытым культам // Религии в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Вост. лит., 2008. С. 133–158.

Урбанова И. С. Шаманская философия бурят-монголов: центральноазиатское тенгрианство в свете духовных учений. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000а. Ч. 1. 267 с.

Урбанаева И. С. Шаманская философия бурят-монголов: центральноазиатское тэнгрианство в свете духовных учений. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000б. Ч. 2. 205 с.

Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Щукин Н. С. Шаманство у народов Северной Азии. Статья первая // Отдельный оттиск. Прибавление к Журналу Министерства Народного Просвещения. 1846. № 1. С. 25–44.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.

Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. Вып. 4. 212 с.

Список источников

АМАЭС ТГУ. № 677-9 «Этнографическая экспедиция ТГУ. Хакасия – Чулым». Лето 1972 г. Тетрадь № 9. 7 л.

АМАЭС ТГУ. № 678-1 «Этнографическая экспедиция в Хакасию и Ужурский и

Шарыповский районы Красноярского края». Август 1973 г. Тетрадь № 1. 51 л.

АМАЭС ТГУ. № 678-3. «Этнографическая экспедиция в Хакасию (Орджоникидзевский и Ширинский районы) и Ужурский, Шарыповский районы Красноярского края». Август-сентябрь 1973 г. Тетрадь № 3. 51 л.

АМАЭС ТГУ. № 680-4 «Этнографическая экспедиция ТГУ. Хакасия. Сагайцы». Лето 1974 г. 40 л.

АМАЭС ТГУ. № 681-5 «Этнографическая экспедиция ТГУ. Хакасия». Лето (август) 1975 г. 35 л.

Полевые материалы авторов

Иптышева (Топоева) Валентина Васильевна, 1930 г. р., сагайка, сеок Хобый, аал Онхаков Аскизского района РХ. Лето 2005 г.

Топоева (Казагашева) Анисья Федосеевна, 1934 г. р., сагайка, сеок Сайын, аал Онхаков Аскизского района РХ. Лето 2005 г.

Материал поступил в редколлегию 03.06.2014

V. A. Burnakov^{1,2}, A. A. Burnakov³, K. M. Torbostaev³, D. Ts. Tsydenova²

¹ Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

³ Khakassia State University. N. F. Katanov
90 Lenin Ave., Abakan, 655017, Russian Federation

venariy@ngs.ru

TIGIR TAIYF – SACRIFICE THE SKY IN CULTURE OF KHAKASSES (END XIX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES)

Purpose: Aim of this work is to characterize the image of Heaven complex Khakases worldview. Accordingly, the following objectives were: to determine its place and function in folklore and ritual practice of ethnic groups identified above Khakases, identification of mechanisms of transformation of the cult of Heaven with them. Chronological framework works span the end of XIX – beg. XXI century. The choice of such a part of the state of temporal boundaries of the source base on the research theme. The work is based on an integrated, system- historical approach to the study of the past. The technique is based on a synthesis of historical and ethnographic methods – scientific description, a concrete historical analysis, structural and semantic relic.

Results: The complex of traditional mythological views of Khakases about the Sky is considered. The idea of top, light, fertility and good associated with it. Properties inherent in it remoteness, an

inaccessibility, immensity and constancy in traditional consciousness promoted its absolute sacralization. The sky, being the most important part of space, at the same time acts and as the Supreme deity. On traditional views, it with all its stars authorizes life of everything that is on the earth; also dictates a course of nature on the earth: current of time, regularity of space, direction of development of society, etc. The sky acted as the highest judicial authority and the punishing force. Believed that Heavens are inseparable from the life of the person and accompany the person from the birth and to death and as a result define its destiny. It promoted thought development about volume «that above, and below». The arch of the sky acted as some kind of mirror: people peering into it, learned reflections of the destinies and life prospects. Believed that worship the Sky will provide fertility, prosperity and success in activity of people, as predetermined formation of ritual practice of sacrifices to the Sky.

Conclusion: In outlook of Khakas one of the main places was occupied by ideas of the Sky, as the highest not personified deity. It confirms that fact that the mifo-ritual complex, related meets at all ethnic groups of Khakas. Having arisen in an extreme antiquity, the Sky cult in the transformed look remained up to now. Throughout a long time in which there was a formation of the Khakas ethnos, as a result of ethnocultural interactions to other ethnic communities, ideas of this highest sacral object constantly were affected by various world outlook systems, including world religions. With accession of Khakassia to Russia the active hristianization of local population began. During which the mifo-ritual complex connected with the Sky came under influence from Orthodoxy. It promoted a sinkretizm of the Khakas ceremonialism. Terms of carrying out were attached to a Christian holiday of the Trinity. Christian prayers and ritual gestures of a sign of the cross began to be used. In spiritual life by means of a hristianization the cult of the Sky starts being forced out by ideas of Christian God (Hudaye). At the same time, traditional views and the ceremonialism connected with the Supreme deity of Khan of Tigr in a relic form continue to occur and until now.

Keywords: Khakas, tradition, belief, myth, ritual, sky.

References

- Adrianov A. V. Airan v zhizni minusinskogo inorodtsa [Aiyr in life of the Minusinsk foreigner]. *Vestnik IRGO po otd. Etnografiya*, 1909, vol. 34, p. 489–524. (in Russ.)
- Adrianov A. V. *Ocherki Minusinskogo kraya [Sketches of Minusinsk Edge]*. Tomsk, Parovaya Tipo-lit. P. I. Makushkina Publ., 1904, 62 p. (in Russ.)
- Ayupov N. G. *Tengrianstvo kak otkrytoe mirovozzrenie [Tengriism as an Open World]*. Almaty, KIE Publ., 2012, 264 p. (in Russ.)
- Bicheev B. A. *Deti Neba – Sinie Volki. Mifologo-religioznye osnovy etnicheskogo soznaniya kalmykov [Children of Heaven – Blue Wolves. Mythological-religious foundations of ethnic consciousness Kalmyks]*. Elista, KalmGU Publ., 2005, 200 p. (in Russ.)
- Bicheev B. A. *Tengrianstvo kak tsentral'no-azianskaya religioznaya sistema [Tengriism as Central Asian religious system]*. *Vremya i kultura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnykh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredelnykh territorii: problemy interpretatsii i rekonstruktsii [Time and Culture in Archaeological and Ethnographic Studies of Ancient and Modern Societies of Western Siberia and Adjacent Territories: Problems of Interpretation and Reconstruction]*. Tomsk, Agraf-Press Publ., 2008, p. 269–273. (in Russ.)
- Bichurin N. Ya. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of Information on Peoples in Central Asia in Ancient Times]*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1950, vol. 2, 381 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya. *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya [Burkhanism Turks Sayano-Altai]*. Abakan, 2003, 260 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya. *Toponimicheskii slovar' Khakassko-Minusinskogo kraya [Toponymic Dictionary Khakass-Minusinsk Edge]*. Abakan, Khakasiya Publ., 1995, 288 p. (in Russ.)
- Dashkovskii P. K. *Mirovozzrenie kochevnikov Sayano-Altaya i sopredelnykh territorii pozdnei drevnosti i rannego Srednevekov'ya (otechestvennaya istoriografiya i sovremennye issledovaniya) [Outlook Nomads Sayano-Altai and Adjacent Territories Late Antiquity and the Early Middle Ages (Domestic Historiography and Modern Studies)]*. Barnaul, 2011, 244 p. (in Russ.)

Drobyshev Yu. I. Buddizm i tengrianstvo: konfrontatsiya ili sotrudnichestvo [Buddhism and Tengriism: Confrontation or Cooperation?]. *Buddiiskaya kultura: istochniki, istochnikovedenie, yazykoznanie i iskusstvo* [Buddhist Culture: Sources, Source Language and Art]. St.-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2008, p. 107–121. (in Russ.)

Drobyshev Yu. I. Gorizonty tengrianstva [Horizons Tengrism]. *Sibir na perekrest'e mirovykh religii* [Siberia at the Crossroads of the World's Religions]. Novosibirsk, 2006, p. 276–280. (in Russ.)

Eliade M. *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Essays in Comparative Religion]. Moscow, Ladomir Publ., 1999, 488 p. (in Russ.)

Galdanova G. R. K voprosu o verovaniyakh rannikh mongolov [To a Question about the Beliefs of the Early Mongols]. *VI Mezhdunarodnyi congress mongolovedov*. Moscow, 1992, p. 24–33. (in Russ.)

Katanov N. F. *Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyrkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym)* [Adverbs Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagases: (Samples Folk Literature of Turkic Tribes Issued V. W. Radloff)]. St.-Petersburg, 1907, vol. 9, 640 p. (in Russ.)

Katanov N. F. *Otchet o poezdke, sovershennoi s 15 maya po 1 sentebrya 1896 g. v Minusinskii okrug Enisseiskoi gubernii* [Trip Report, Done from May 15 to Sept. 1. 1896 Minusinsky District Yenisei Province]. Kazan, Tipo-litografiya Imperatorskogo Kasanskogo Universiteta Publ., 1897, 104 p. (in Russ.)

Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (in Russ.)

Klyashtorni S. G. *Istoriya Tsentralnoi Azii i pamyatniki runicheskogo pisma* [History of Central Asia and the Runic Monuments]. St.-Petersburg, 2003, 560 p. (in Russ.)

Klyashtorni S. G. Tyurkoyazychnyykh narodov mifologia [Turkic Peoples Mythology]. *Mify narodov mira* [Nation's Mythology of World]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1988, vol. 2, p. 536–537. (in Russ.)

Klyashtorni S. G., Savinov D. G. *Gosudarstva i narody evraziiskikh stepei: ot drevnosti k novomu vremeni* [States and People of the Euroasian Steppes: From an Antiquity by Modern Times]. St.-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2009, 432 p. (in Russ.)

Klyashtorni S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii Evrazii* [Steppe Empires of Eurasia]. St.-Petersburg, Farn Publ., 1994, 165 p. (in Russ.)

Klyashtorni S. G., Sultanov T. I. *Stepnye imperii drevnei Evrazii* [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. St.-Petersburg, 2005, 346 p. (in Russ.)

Konovalov P. B. Kult Munkhe Tengri u srednevekovykh mongolov i ego istoki [Cult Munkhe Tengri, the Medieval Mongols and Its Origins]. *Chingizkhan i sud'by narodov Evrazii* [Genghis Khan and the Fate of the Peoples of Eurasia]. Ulan-Ude, 2003, p. 423–433. (in Russ.)

Kostrov N. A. *Kachinskie tatary* [Kaczynski Tatars]. Kazan, Tip, Gub. Pravleniya Publ., 1852, 66 p. (in Russ.)

Kychanov E. I. *Kochevye gosudarstva ot gunnov do manchzhurov* [Nomadic State of the Huns to the Manchus]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1997, 319 p. (in Russ.)

Kyzlasov I. L. Izobrazhenie Tengri i Umai na Sulekskoi pisanitse [Preview Tengri Umai on Sulekskoy Pisanitsa]. *Etnograficheskoe obozreie* [Review Ethnographic], 1998, no. 4, p. 39–53. (in Russ.)

Lappo D. E. Troevery: Iz zhizni minusinskikh inorodtsev [Of life Minusinsk Foreigners]. *Na sibirskie temy*. St.-Petersburg, Tip. Tov-va «Obshchaya polza» Publ., 1905, p. 9–52. (in Russ.)

Mainagashev S. D. Zhertvoprinoshenie Nebu u beltyrov [Sacrifice to Heaven at Beltirs]. *MAE*, 1916, vol. 3, p. 93–102. (in Russ.)

Malov S. E. Eniseiskaya pismennost' tyurkov [Yenisei Writing Turks]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1952, 114 p. (in Russ.)

Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoi pismennosti Mongolii i Kirgizii* [Monuments of Ancient Writing of Mongolia and Kyrgyzstan]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1959, 108 p. (in Russ.)

Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoi pismennosti: Teksty i issledovaniya* [Monuments of Ancient Literature: Texts and Studies]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1951, 452 p. (in Russ.)

- Marmontova T. V. Tengrianstvo kak traditsionnaya sistema mirovozzreniya kochevnikov [Tengriism as a Traditional System of Philosophy Nomads]. *Tsentralnaya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov: arkheologiya, istoriya, etnologiya, kultura* [Central Asia from the Achaemenid to Timurid: Archeology, History, Ethnology, Culture]. St.-Petersburg, 2005, p. 347–349. (in Russ.)
- Potapov L. P. *Altaiskii shamanism* [Altai Shamanism]. Leningrad, Nauka, 1991, 321 p. (in Russ.)
- Potapov L. P. K voprosu o drevnetyurkskoi osnove i datirovke altaiskogo shamanstva [On the Basis of the Ancient Turkic and Dating Altai Shamanism]. *Etnografiya narodov Altaya i Zapadnoi Sibiri* [Ethnography of the Altai and Western Siberia]. Novosibirsk, 1978a, p. 3–36. (in Russ.)
- Potapov L. P. Drevnetyurkskie cherty pochitaniya Neba u Sayano-altaiskikh narodov [Ancient Worship Heaven Features at the Sayano-Altai Peoples]. *Etnografiya narodov Altaya i Zapadnoi Sibiri* [Ethnography of the Altai and Western Siberia]. Novosibirsk, 1978b, p. 50–64. (in Russ.)
- Potapov L. P. *Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev* [Ethnic Composition and Origin of the Altai]. Leningrad, Nauka, 1969, 196 p. (in Russ.)
- Shchukin N. S. *Shamanstvo u narodov Severnoi Azii* [Shamanism among the Peoples of North Asia], 1846, no. 1, p. 25–44. (in Russ.)
- Skrynnikova T. D. *Kharizma i vlast' v epokhu Chingizkhana* [Charisma and Power in the Era of Genghis Khan]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1997. 216 p. (in Russ.)
- Sovetkoly A. A. Tengrizm. Da blagoslovit nas Tengri [Tengrizm. Bless us Tengri]. *Kulturnye kontakty Kazakhstana: istoriya i sovremennost'* [Cultural Contacts Kazakhstan: History and Modernity]. Almaty, 1998, p. 97–101. (in Russ.)
- Stepanov A. P. *Eniseiskaya guberniya* [Enisei Province]. St.-Petersburg, Tip. K. Vingenber Publ., 1835, vol. 1, 278 p. (in Russ.)
- Sunchugashev R. D. *Toponimiya Khakasii* [The Toponims of Khakassia]. Abakan, 2009, 198 p. (in Russ.)
- Tendryakov M. V. Ot gosudarstvennoi religii k zabytym kultam [From the Forgotten State Religion Cults]. *Religii v istorii i culture mongoloyazychnykh narodov Rossii*. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2008, p. 133–158 (in Russ.)
- Urbanaeva I. S. *Shamanskaya filosofiya buryat-mongolov: tsentralno-asiatskoe tengrianstvo v svete dukhovnykh uchenii* [Shamanic Philosophy Buryat-Mongols Central Asian Tengriism in the Light of Spiritual Teachings]. Ulan-Ude, 2000a, vol. 1, 267 p. (in Russ.)
- Urbanaeva I. S. *Shamanskaya filosofiya buryat-mongolov: tsentralno-asiatskoe tengrianstvo v svete dukhovnykh uchenii* [Shamanic Philosophy Buryat-Mongols Central Asian Tengriism in the Light of Spiritual Teachings]. Ulan-Ude, 2000b, vol. 2, 205 p. (in Russ.)
- Yakovlev E. K. *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitelnyi katalog Etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya*. Minusinsk, V. I. Kornakov Publ., 1900, vol. 4, 212 p. (in Russ.)
- Zhumaganbetov T. S. Kult Tengri kak osnova gosudarstvennoi ideologii drevnetyurkskogo kaganata [Cult Tengri as the Basis of the State Ideology of Ancient Turkic Khaganate]. *Vostok* [East], 2006a, no. 2, p. 119–126. (in Russ.)
- Zhumaganbetov T. S. Genezis gosudarstvenno-religioznoi ideologii v drevnetyurkskikh kaganatakh [The genesis of the State-Religious Ideology in the Ancient Turkic Kaganates]. *Etnograficheskoe obozreie* [Review Ethnographic], 2006b, no. 4, p. 154–162. (in Russ.)